

А. В. Серов

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ

Рассматривается содержание оперативно-разыскной характеристики. Предлагается включать в оперативно-разыскную характеристику убийств новорожденных детей только те сведения, которые определяют организацию деятельности подразделений уголовного розыска по раскрытию указанных преступлений, и не включать имеющие тактическое значение. Указывается на влияние латентности на раскрытие преступления и необходимость применения схемы раскрытия «от лица к преступлению». Констатируется мозаичность характеристики личности матерей убитых новорожденных. Приводится описание их личности, а именно прошлой преступной активности, отношения к алкоголю, наркотикам, занятию проституцией, наличию психических заболеваний. Рассматриваются проблемы противодействия расследованию со стороны таких женщин, в том числе смена места жительства непосредственно до или сразу после родов. Приводятся данные о попадании матерей убитых новорожденных детей в поле зрения учреждений здравоохранения, а именно женских консультаций и родильных домов, а также об обращениях за медицинской помощью в связи с послеродовыми осложнениями.

Ключевые слова: убийства новорожденных детей, оперативно-разыскная характеристика, медицинские учреждения, противодействие расследованию, смена места жительства.

A. V. Serov

OPERATIVE-SEARCH CHARACTERISTICS OF INFANTICIDE

We consider the content of the operational-search characteristics. It is proposed to include into description of the operative-search characteristics of infanticide only those details that determine the organization of activities of units of the Criminal Investigation to detect such crimes and do not include having tactical value. Shows the influence of latency to the disclosure and the need for disclosure scheme «from personality to crime». Stated mosaic of personality characteristics of mothers of dead babies. The description of their personality, namely the last criminal activity related to alcohol, drugs, prostitution, mental illness. The problems of counteraction to investigation by such women, including the change women's residence immediately before or immediately after birth. The data on the contact mothers of killed newborn children in the field of view of health care institutions, namely the antenatal and maternity, as well as access to medical care due to obstetric complications.

Keywords: infanticide, operative-search characteristics, medical institutions, counteraction to investigation, change of residence.

Деятельность подразделений уголовного розыска по раскрытию убийств новорожденных, как и любых иных преступлений, требует для своего осуществления информационной основы в виде системы знаний о данном виде преступлений и лицах, его совершающих. В оперативно-разыскной деятельности совокупность таких знаний принято обозначать термином «оперативно-разыскная характеристика» [1; 2].

Вместе с тем далеко не все знания об убийствах новорожденных составляют содержание оперативно-разыскной характеристики. Так, объем сведений, например о лицах, совершающих преступления, настолько

велик и разнообразен, а сами сведения, относящиеся к этому элементу, имеют настолько разное значение для раскрытия преступлений, что включающая их характеристика стала бы носить слишком общий характер, утратила бы свою информативность и прикладное значение. Действительно, тактика в ОРД — это совокупность способов и приемов, направленных на наиболее эффективное решение конкретных задач оперативно-разыскной деятельности, оценку ситуации, выбор линия поведения [3, с. 74; 4, с. 83], и оказать влияние на нее может практически любая информация о преступлении. Включение подобной информации в состав оперативно-

разыскной характеристики может привести к тому, что на этом фоне затеряются наиболее значимые для раскрытия убийств новорожденных сведения.

По нашему мнению, в оперативно-разыскную характеристику необходимо включать лишь те сведения о преступных деяниях, совершающих их лицах и потерпевших, которые могут оказать существенное влияние на организацию работы по раскрытию убийств новорожденных, а именно лежать в основе выбора организационно-тактических схем раскрытия, выдвижения версий, определения самостоятельных направлений работы, являться значимыми поисковыми признаками при организации оперативного поиска, предопределять направления и формы документирования действий проверяемых и разрабатываемых лиц. Применительно к более распространенным видам преступлений в оперативно-разыскную характеристику также необходимо включать информацию, лежащую в основе оперативного обслуживания соответствующей линии работы. Принимая во внимание ограниченный объем и несекретный характер [5, с. 88—93] настоящей публикации, остановимся лишь на наиболее значимых, на наш взгляд, сведениях.

Важнейшей характеристикой данного вида преступлений является его латентность. По оценкам авторов, проводивших специальные исследования по определению уровня латентности убийств новорожденных, он составляет от 1:5 до 1:10 [6; 7, с. 61]. 39 % опрошенных нами оперуполномоченных отметили латентность данного вида преступлений в качестве обстоятельства, существенно влияющего на их раскрытие. Такой уровень латентности, вне всяких сомнений, требует приложения усилий по выявлению преступлений рассматриваемого вида, а также предопределяет необходимость работы не только по традиционной для большинства видов убийств организационно-тактической схеме «от преступления к лицу», но и по схеме «от лица к преступлению».

В ходе изучения уголовных дел, возбужденных по фактам убийств новорожденных детей, нами установлено, что 16 % убийств новорожденных совершаются в соучастии. Вместе с тем нас в первую очередь интересует не столько характеристика исполнителя убийства, сколько характеристика матери убитого новорожденного ребенка: даже если убийцей является не она, то

это лицо из числа ее близких связей. В доступных нам литературных источниках можно встретить принципиально отличающиеся обобщенные характеристики женщин, совершивших убийства своих новорожденных детей: от откровенно асоциальной [8, с. 41] до идеализированной [9, с. 35].

Сравнивая данные точки зрения, отметим, что такой контраст между ними отчасти обусловлен разными историческими периодами проведения исследований. Вместе с тем противоречивость обобщенной характеристики детоубийств объективна и отражает реальное положение дел: спектр женщин, совершающих данные преступления, чрезвычайно широк, охватывает разные социальные группы, и вывести некий «усредненный портрет» не представляется возможным. Данное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на деятельность по раскрытию таких преступлений. Во-первых, виновные в совершении детоубийств, несмотря на социальное неблагополучие, преступный образ жизни, как правило, не ведут и, следовательно, не обладают типичными поисковыми признаками, на которые ориентируются сотрудники, занимающиеся раскрытием общеуголовных преступлений. Во-вторых, указанный широкий спектр лиц обуславливает значительное количество версий, что приводит на начальном этапе к сложности определения наиболее перспективного направления работы, «распылению» сил и средств, потере времени и также не способствует успеху раскрытия.

Лишь 12 % женщин, причастных к убийству новорожденных, ранее были судимы, при этом судимых за тяжкие преступления против личности вообще или за аналогичные преступления выявлено не было. Вместе с тем есть 2 факта совершения убийств новорожденных повторно, при этом первые преступления оставались до определенного времени латентными, и за них указанные женщины ранее осуждены не были.

9 % матерей убитых новорожденных детей употребляли наркотики, 44 % злоупотребляли спиртным, хотя на учете у нарколога в связи с этим не состояли (некоторые в разные периоды жизни допускали употребление и алкоголя, и наркотиков). Данных о нахождении на учете в кожно-венерологических диспансерах не получено, хотя есть факты диагностирования венерических заболеваний после раскрытия

преступления. 11 % занимались проституцией. Указанные обстоятельства могут рассматриваться в качестве поисковых признаков при проведении оперативно-разыскных мероприятий, а также в качестве критериев предварительной оценки виновности женщин, проверяемых на причастность к совершенному преступлению (для принятия решения о проведении комплекса мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан). Вместе с тем отсутствие некоторых из приведенных категорий лиц на централизованных учетах снижает ценность приведенных сведений при выдвижении версий, а также требует ведения и поддержания в актуальном состоянии децентрализованных учетов как в оперативных подразделениях, так и в подразделениях, осуществляющих охрану общественного порядка.

По изученным нами уголовным делам, у 21 % женщин проведенными судебно-психиатрическими экспертизами устанавливались психические расстройства, не исключавшие вменяемость. 9 % женщин до совершения преступления наблюдались в психоневрологическом диспансере в связи с различными заболеваниями, в структуре которых, однако, не было симптомов, указывающих на склонность к совершению подобных преступлений. Таким образом, при обращении в диспансер с запросом о предоставлении сведений о женщинах, имеющих склонность к совершению данного вида преступлений, они в указанную выборку не попали бы.

Приступая к рассмотрению вопросов противодействия расследованию со стороны фигурантов, отметим, что как на этапе подготовки и совершения преступления, так и на этапе постпреступного поведения многие женщины интуитивно или осознанно, с разной степенью активности прилагают усилия, направленные на уход от уголовной ответственности. Данные усилия могут выражаться как в действиях, так и в бездействии в ситуациях, требующих исполнения каких-либо обязанностей.

В 87 % случаев место обнаружения трупа и место совершения преступления совпадали или находились в непосредственной близости. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость тщательной отработки территории и жилого сектора, прилегающих к месту обнаружения трупа новорожденного. При этом место обнаружения трупа и место проживания родильницы совпадали или находились в

непосредственной близости друг от друга уже только в 62 % случаев, а в остальных случаях они находились в разных микрорайонах города или даже за пределами населенного пункта; еще в 12 % случаев место обнаружения трупа совпадало или находилось в непосредственной близости от места работы (учебы) женщины.

В одном случае женщина выбросила новорожденного рядом с домом своего знакомого — отца ребенка, где сама не проживала. В случаях существенной отдаленности места обнаружения трупа и места проживания (работы) женщины лишь по 31 % уголовных дел со стороны связей матери имела место помощь в сокрытии трупа — в большинстве случаев женщины-детоубийцы уносили (вывозили) новорожденных самостоятельно.

Как видим, место родов, место собственно убийства, место обнаружения трупа, а также место проживания и работы (учебы) матери ребенка, т. е. места, где может происходить слепообразование и проявление различных поисковых признаков, могут не только не совпадать, но и находиться на очень значительном расстоянии друг от друга.

Еще одной мерой противодействия является смена женщинами места жительства непосредственно до или сразу после родов, выезд специально для родов и совершения преступления в другую местность.

По результатам нашего исследования, 62 % матерей являлись жительницами того населенного пункта, где произошло убийство (к местным жителям мы отнесли и тех, кто родился и вырос за пределами данного населенного пункта, но проживал в нем уже несколько лет); 26 % — женщины, переехавшие из других населенных пунктов, но в пределах одного субъекта РФ; 12 % — приезжие из других регионов.

Все приехавшие находились в местности, где произошло убийство, длительное время (от месяца и дольше), 87 % из них на регистрационный учет по месту проживания не вставали, собственным жильем не обзаводились, меняли места проживания, в связи с чем при проверке различных версий в выборки по централизованным учетам могли не попадать. 62 % приезжих детоубийц на момент переезда были уже беременны, однако из материалов дел не усматривается, что целью переезда было именно сокрытие преступления.

Приведенные данные свидетельствуют о

необходимости организации взаимодействия с подразделениями уголовного розыска иных территориальных ОВД, в первую очередь, в пределах одного региона.

В 78 % случаев женщинам не удавалось полностью скрыть свою беременность, в оставшихся случаях у окружающих были догадки относительно беременности фигуранток. Знали о беременности, а иногда и о подробностях совершенного преступления, как правило, родственники (74 %), друзья, близкие знакомые (62 %), соседи по месту жительства (48 %), коллеги по работе, учебе (27 %), представители по месту работы, учебы (24 %). Несмотря на достаточно широкий круг осведомленных лиц, в абсолютном количественном выражении число осведомленных лиц по одному уголовному делу редко превышало нескольких человек.

28 % виновных удавалось сохранить беременность втайне от окружающих, однако по всем преступлениям были лица, у которых возникали хотя бы догадки по поводу беременности. При этом если бы преступления не были раскрыты, ожидать от указанных граждан сообщения в полицию в этих ситуациях не приходилось. Узость круга осведомленных о беременности лиц и их близость к виновной, с одной стороны, и низкая степень осведомленности посторонних лиц, их ограниченное количество — с другой, представляют собой существенное препятствие для использования так называемых «идеальных» следов, что приводит к крайне низкой результативности как поквартирных обходов, так и обеспечения раскрытия указанных преступлений конфиденциальными.

Важнейшей группой сведений, характеризующих убийства новорожденных, является информация о женщинах, попадавших в связи с беременностью и родами в поле зрения учреждений здравоохранения. По изученным нами уголовным делам, в 18 % случаев беременность диагностировалась в медицинских учреждениях (во всех случаях в женских консультациях). Факты выявления беременности до родов в иных медицинских учреждениях, если и имели место, то в материалах дел отражения не нашли. Лица, обращавшиеся за направлением на аборт и получившие отказ, нашим исследованием не выявлены. При этом на учет в консультациях

вставали не все выявленные женщины.

Говоря о женщинах, наблюдавшихся в женской консультации, необходимо отметить, что ситуации совершения ими детоубийств действительно редки, в то время как материалы их проверки составляют до половины объема материалов оперативного сопровождения [10, с. 92—94]. Очевидно, что ожидания по данной версии явно завышены и не соответствуют затрачиваемым на ее проверку силам, средствам и времени. Вместе с тем обстоятельства (мотивы), толкающие на совершение подобных преступлений, могут возникнуть и по ходу беременности у состоящей на учете пациентки. Кроме того, в настоящее время не ведется розыск лиц, ушедших из-под патронажного контроля, вне связи с фактами обнаружения трупов новорожденных. По изученным делам практически не запрашивается информация о женщинах, снявшихся с учета во время беременности в связи, например, с переездом в другую местность и т. д., они не проверяются на причастность к совершенному преступлению. Таким образом, определенные резервы раскрытия преступлений во взаимодействии с женскими консультациями есть, версия о возможном совершении преступления женщиной, состоявшей на учете в женской консультации, должна выдвигаться, однако работа по ее проверке требует оптимизации.

84 % женщин рожали самостоятельно; факты помощи лиц, имеющих бытовые познания в области родовспоможения, по изученным уголовным делам не выявлены. 16 % рожали в родильных домах, при этом намерений отказаться от ребенка не высказывали, но совершали убийство в течение суток после выписки из родильного дома. Половина рожавших в родильном доме представлялись ложными (частично измененными) установочными данными.

По нашим данным, в результате возникших послеродовых осложнений 37 % женщин обращались за скорой медицинской помощью и помещались на лечение в стационар, 12 % обращались за помощью амбулаторно. Следует оговориться, что большая часть обратившихся в медицинские учреждения женщин сделала это после фактического раскрытия преступления. Возможно, такое обращение было бессознательной формой защиты или произошло

под влиянием сотрудников полиции, не желавших нести ответственность за здоровье заподозренной. Вероятность самостоятельного обращения этих женщин за медицинской помощью оценивается нами как низкая. Женщины, обратившиеся за помощью самостоятельно, полностью или частично скрывали обстоятельства произошедшего. Случаи обращения в частные медицинские учреждения как во время беременности, так и после родов нами не выявлены.

Таким образом, в целом по раскрытым преступлениям в поле зрения учреждений здравоохранения попадали 67 % женщин (данное значение не равно сумме процентов по обращениям в разные медицинские учреждения, так как часть женщин попадала в поле зрения разных учреждений).

С одной стороны, по нераскрытым преступлениям этот процент может быть существенно меньше. С другой — большинство преступлений раскрыто не во взаимодействии с учреждениями здравоохранения, а иными путями, что может свидетельствовать о недостаточно эффективном использовании возможностей медицинских учреждений в раскрытии преступлений данного вида.

Вместе с тем считаем необходимым присоединиться к позиции представителей Омской оперативно-разыскной научной школы о том, что низкая раскрываемость и латентность отдельных видов преступлений, безусловно, снижают прогностическую ценность оперативно-разыскной характеристики и позволяют даже говорить о характеристике лишь раскрытых преступлений. Учитывая отмеченный выше уровень латентности убийств новорожденных, указанное суждение имеет к рассматриваемым преступлениям самое непосредственное отношение, а выводы, сделанные при изучении оперативно-разыскной характеристики, должны с учетом приведенного высказывания критически оцениваться при организации раскрытия конкретного преступления.

На основании изложенного могут быть сделаны следующие выводы.

1. В оперативно-разыскную характеристику убийств новорожденных необходимо включать лишь те сведения о преступных деяниях, совершающих их

лицах и потерпевших, которые могут оказать существенное влияние именно на организацию работы по раскрытию убийств новорожденных.

2. Специфику оперативно-разыскной характеристики убийств новорожденных определяют сведения о латентности данного вида преступлений, настоящей и прошлой антиобщественной активности матери убитого новорожденного, о миграционной активности матерей, в т. ч. непосредственно перед родами или сразу после них, и других мерах осознанного или интуитивного противодействия расследованию, попадание их в поле зрения учреждений здравоохранения, а также не состоявшаяся социализация потерпевшего.

3. Приведенная характеристика влечет за собой необходимость применения не только традиционной организационно-тактической схемы раскрытия «от преступления к лицу», но и схемы «от лица к преступлению»; обязательность организации взаимодействия ведущего раскрытие подразделения с иными территориальными подразделениями уголовного розыска, а также с органами и учреждениями здравоохранения; обуславливает формы непроцессуального использования специальных познаний, в первую очередь в области судебной медицины; предопределяет особенности выдвижения и проверки типичных версий, особенности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий.

Примечания

1. Ларичев В. Д. Оперативно-разыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. 2008. № 2.
2. Борин Б. В. Сходство и отличие оперативно-розыскной характеристики преступлений экономической направленности от других видов характеристик, используемых в криминальных науках // Рос. следователь. 2014. № 6. С. 35—39.
3. Научно-практический комментарий Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. И. Н. Зубова и В. В. Николюка [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2010).
4. Groshikov V. A. Использование информационных технологий в раскрытии тяжких преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1.
5. Павличенко Н. В., Самоделкин А. С. Негласность в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3.
6. URL: https://ldpr.ru/power/Bills/on_amendments_to_the_criminal_code_of_the_russian_federation/ (дата обращения: 18.05.2014).
7. Цит. по: Лукичев О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1997.
8. Федотов И. С. Расследование детоубийств: учеб. пособие. М., 2003.
9. Глухарева Л. И. Уголовная ответственность за детоубийство: учеб. пособие. М., 1984.
10. Подробнее о содержании термина «оперативное сопровождение» см.: Замылин Е. И. «Оперативное сопровождение» или «оперативное обеспечение» (о взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях противодействия расследованию) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3.